

4. Хмелик А. 12-16
 5. Все-таки она вертится
 "Гуманосад в небе ищет" —
 6. Москва. Драматический театр на
 7. Рет. — Дуров П. М. Бронной
 Худ. — Петров В.

7 ОКТ 1981

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
 г. МОСКВА

ПРЕМЬЕРЫ

ТАЙНЫ

СМЕШНОГО

Уже давно замечено — в театрах что-то происходит. То, что чем смешнее, темнее, перестало смешить.

Одна за другой провалились премьеры скрупулезно восстановленных бывших комедийных «верняков». Забеспокоились «конферансье и эстрадные сатирики». После реприз, еще совсем недавно вызывавших громовой хохот, теперь всцарялось гробовое молчание. Ну, ни единого смеха.

Я не могу даже попытаться объяснить, почему из значительного количества комедий, написанных по всем правилам жанра, только единицы имеют успех. В моих силах лишь пригласиться к этим единицам и, может быть, найти в них нечто общее.

В Театре на Малой Бронной Лев Дуров поставил новую пьесу драматурга Александра Хмелика «А все-таки она вертится?». Каждое предыдущее произведение этого автора заканчивало в себе тайну смешного именно для современного зрителя. В новой комедии рассказывается о том, как вечно опаздывающий на школьные занятия ученик Василий Лопотухин (арт. П. Федоров), полностью исчерпав запас суждений и причин, оправдывающих эти опоздания, сплотно, даже с некоторой грустью, объясняет учительница и классу, что на этот раз его задержали инопланетяне, опустившиеся на летящей тарелке не где-нибудь, а в его, Василия, дворе. Грусть Лопотухина можно объяснить. Он как бы понимает, что в таком никто не поверит. Но вместе с тем Лопотухин на что-то рассчитывает, придумав эту уж совсем невероятную историю.

Все суть комедии, тайна ее юмора именно в том, на что рассчитывал Вася Лопотухин и как безошибочно его расчет оправдался.

А рассчитывал Вася на силу того, что называется иллюзией. Иллюзия отличается от обычного заблуждения тем, что нам очень хочется верить в то, что ошибочное суждение не ошибочно. Мы страстно хотим заблуждаться.

Тонко, с чутким слухом к школьной речи, с острой наблюдательностью и знанием психологии подростков прослеживает драматург вечный процесс рождения «легенды», поиски подтверждающих ее фактов, обычную в таких случаях фальсификацию доказательств заинтересованными лицами. Например, тайно влюбленная в Лопотухина девочка Малехова (арт. В. Салтыковская) проходит по общепринятому инопланетянам месту с маленькой мохнатой собачкой на поводке и через секунду возвращается. Теперь поводок натягивает огромный гладкошерстный дог. Вот как подделывала радиация на бедную собачку!

Удивительно точно в психологической микрогруппе распределены роли всех участвующих в сотворении «леген-

ды». Здесь и пророк-фанатик из школьного астрономического кружка Шафиров (арт. В. Москаленко), и сначала колеблющийся скептик, а потом преданный идее, вопреки ее очевидной несостоятельности, директор школы (арт. В. Качан) и т. д. и т. п.

Оттого, что «легенда» творится не когда-то в прошлом, а сегодня, по всем правилам, выработанным тысячелетиями, комедия А. Хмелика приобретает особое очарование. Она философична и значительна.

Всякая иллюзия рано или поздно терпит крах. Происходит это и с тем, что придумал Вася Лопотухин. И тут драматург у обломков иллюзии, над руинами рухнувшей «легенды» тонко дает понять зрителю, что заблуждения, в которых люди жаждут оставаться, нужны им только потому, что они подчас не могут увидеть прекрасное в истине, в окружающей нас действительности. Так продолжена выраженная А. Хмеликом в пьесе «Друг мой Колыха» мысль, с которой мы познакомились на сборе «Береги минутку!». Скука а отряде, неинтересные уроки о поразительно интересных явлениях — причина рождения иллюзий. Мысль эта не выражена сентенцией и выходит за пределы пьесы, к проблемам общечеловеческим. Может быть, этим современный юмор отличается от того, с которым мы встречались в прежних «верняках».

ПЬЕСУ Эмиля Брагинского «Игра воображения» в московской Новой театре поставил режиссер В. Ланской. Прежде чем говорить об этом спектакле, я позволю себе процитировать одно из писем, приходящих в редакции газет, радио, телевидения.

«Уважаемая редакция, — написано в нем, — фильм «Еще раз про любовь» плохой, и он наносит вред нашей молодежи. Что там за любовь показана? Он — фильм, и был у него физическое — Электрон, она — студентка, у нее красивые имя Наталья. Да зачем такая любовь на экране? Чему она учит?»

Эти строки принадлежат шестнадцатилетней школьнице. Школьница предупреждает, что фильм наносит вред молодежи. А сама она кто? Та самая молодежь. Но ей, очевидно, судя по тону письма, фильм вреда не причинит...

А вот другая цитата. Уже из пьесы Э. Брагинского «Игра воображения». Разговор между дочерью, только что выдворившей из комнаты возлюбленного (с которым целовалась), потому что услышала в передней шаги отца.

АНТОШИН. Где же мама?
 ЖЕНЯ (с наигранным безразличием). Да ерунда, мама ушла.

АНТОШИН. Куда ушла?
 ЖЕНЯ. Да ерунда, и не думай про это. Думай про что-нибудь другое.

АНТОШИН (повисшая голова). Ты можешь по-мелочески объяснить, что здесь произошло? Ты неяркий человек.

двери свои хлопает, мама ушла.
 ЖЕНЯ. Да ерунда, мама ушла и другому.

А теперь мне хочется, чтобы читатель представил себе в зрительном зале ту шестнадцатилетнюю девочку, которая обратилась в редакцию с сакраментальным вопросом: «Чему учит данное произведение?»

Драматург Э. Брагинский, давно уже доказавший, что он имеет право не отвечать на подобные, «св лоб», вопросы, сочинил пьесу, любая аннотация к которой только искажала бы ее содержание. Рассказывать сюжет «Игры воображения» бессмысленно. Жена ушла от мужа, потом вернулась. Но в промежутке — и это главное — попыталась женить бывшего мужа на другой женщине (кстати, бывшая жена прибегает по временам к старому семейному очагу, чтобы раздуть пригрозившим обедом, приспосабливает иногда с трудом добытую снедь и т. д.). Другая женщина, появившаяся как будто с намерением прибрать к рукам неприкаянного холостяка, оказывается незаурядной личностью, и тут...

Бедная шестнадцатилетняя девочка, которая заранее знает, чему ее должно научить художественное произведение! Ну, чему учит пьеса Брагинского? Ничему в каждую данную секунду действия, когда зал грохочет от хохота. И самое интересное, что современный зритель, если ему скажут: «Над кем смеетесь? Над собою смеетесь!», — радостно согласится: «Конечная» Пьеса Э. Брагинского написана так, что хочется сказать: «Вот какими мы бываем». И когда отгремят аплодисменты, пройдет несколько дней, зритель постепенно поймет, что пьеса обратила его внимание на весьма серьезные явления в нашей жизни. «Да, такими мы бываем». Не какие-то сатирически осмеянные «они», а именно «мы». А не допускаем ли мы в свете наших будней этукую деальность чувств? И что такое личность? — спрашиваем мы себя. Кто он такой — интересный человек? И как с этим понятием согласуются слова «Игра воображения», вынесенные в название пьесы?

На спектакле рядом со мной сидела не шестнадцатилетняя девочка, а незнакомый пожилой человек. Первое время он с возмущением задавал вопросы, подобные тем, что были в письме школьницы. В конце спектакля громко аплодировал, а в глазах его я заметила слезы. Мысль пьесы, неочевидная поначалу, не была выражена резонерски, накапливалась постепенно, рождалась в результате увиденного, чтобы вот теперь поразить своей простотой и серьезностью. Мысль эта была обращена не к кому-то постороннему — нет, к нам, к каждому. Хочешь быть счастливым — будь им. Вообрази себе счастье. Придумай его. А потом — построй. Это в твоих руках. Это искусство так необходимо в жизни...

Природу современного юмора прекрасно чувствует режиссер спектакля В. Ланской, Артист А. Курский, умно сыгравший Антошина, А. Белоусова, трогательно смешная и вместе с тем очень узнаваемая в своей сложной роли, Ларису Н. Егорова сыграла так, что надолго оставила в памяти впечатление от встречи с личностью яркой и глубокой...

Что же все-таки объединяет эти две комедии, поставленные на столичных сценах?

Они заставляют всматриваться в себя. И, смеясь, подумывать о серьезном. Они оригинальны. Они не похожи друг на друга, так же как и на сотни других комедий. А в искусстве это очень важно.

М. ЛЬВОВСКИЙ